

— А-а-а?! — пронзительный, почти ультразвуковой визг ударил Хань Цзина по барабанным перепонкам.

Лицо несчастного тритона исказилось от невыносимой боли, а в широко распахнутых глазах застыл первородный ужас. На гладкой механической платформе пришла в движение безупречно отполированная сталь. Два изогнутых лезвия, похожих на мясницкие крюки, с холодным лязгом вонзились в его насильно вытянутые руки, пробивая плоть насквозь.

Тритон бился в агонии. Извиваясь на металлическом столе, он иступленно хлестал хвостом, пытаясь вырваться из тисков смертельного страха. Но мгновение спустя тяжелые фиксаторы намертво прижали плавник к платформе. Похоже, его крики показались хозяевам слишком назойливыми: из паза у плеча выдвинулся автоматический манипулятор и навис над незащищенным горлом жертвы. Вспыхнул холодный луч — и вопль оборвался, сменившись свистящим хрипом удушья. Длинная серебряная игла вошла глубоко в гортань.

Сейчас он походил на рыбу, бьющуюся на разделочной доске, или, точнее, на пришпиленного к столу угря, которого вот-вот выпотрошат заживо.

Хань Цзину стало не по себе, по спине пробежал ледяной озноб. Он никак не мог понять, как эти чужаки ухитряются сохранять такое ледяное спокойствие. Ведь верхняя половина тела тритона была практически неотличима от человеческой!

— Эти лососево-красные дзета-лучи в своем первоначальном состоянии — безвредный бесцветный поток энергии с колоссальной абсорбирующей способностью, — изящно улыбнулся Ларн. — Вид бьющей фонтаном крови порой будоражит, но согласитесь, в этом есть нечто варварское, совершенно не соответствующее нашей изысканной атмосфере. С дзета-лучами подобные неприятности исключены. Они мгновенно впитывают каждую каплю крови тритона, окрашиваясь в этот великолепный лососевый оттенок. Впрочем, технология чрезвычайно дорогая. Вы ведь видите это впервые?

— Да, — выдавил Хань Цзин, незаметно сжимая онемевшие от холода пальцы.

Он повидал немало кровавых сражений и жестоких расправ, но от этой хладнокровной вивисекции волосы на его теле встали дыбом, а позвоночник словно сковало льдом.

Из-за стремительной потери крови прекрасное лицо пленника сделалось бледным, как нефрит, а длинные шелковистые волосы стали тускнеть, теряя жизненную силу. Но тритон продолжал отчаянно биться, ведомый непреодолимым ужасом перед близким концом. Его хрупкое тело было совершенно. Даже когда лососевое свечение дзета-лучей принялось пласт за пластом срезать нежную, почти прозрачную плоть — мучительная казнь, напоминающая древнее китайское «линчи», — он не терял своего трагического очарования. На его бедрах уже зияли страшные раны, обнажая белизну ребер, но в этих предсмертных судорогах сквозила увядающая, надрывная красота поздней осени.

Хотя дзета-лучи поглощали почти всю биологическую жидкость, Морис, носивший под сердцем

дитя, уловил едва различимый, тончайший запах железа. Для его обострившихся чувств этот едва уловимый аромат оказался невыносимым триггером.

Генерал долго крепился. Он стоял, нахмурившись и плотно сжав побелевшие губы, но на лице его проступила нездоровая бледность. В обычных условиях он легко перенес бы запах крови, но это изощренное зрелище подкосило его. К горлу подкатила дурнота, а в коленях появилась тяжелая, ватная слабость.

— Господин мой, не желаете ли отведать? — Сивис угодливо приблизился к Морису, держа в руках мерцающее блюдо. — Это филе с поясничной части, самая нежная мякоть. Каждый ломтик прозрачен, с тонкими золотистыми прожилками. Мы обработали мясо направленным тепловым излучением: это гарантирует стерильность и мгновенно запечатывает сок внутри. Попробуйте, это деликатес высшей пробы! — Сивис буквально заглядывал генералу в глаза, протягивая радужную тарелку из тончайшего стекла.

— Разумеется, это всего лишь особь класса Нагас. Ей далеко до вашей великолепной русалки с планеты Камера, — продолжал изливать елей граф. Кусочки мяса на его подносе действительно отливали благородным золотом, напоминая узоры на осенних листьях.

Морис резко изменился в лице. Сглотнув подступившую к горлу кислую слюну, он почувствовал, как желудок скрутило спазмом. Его взгляд невольно скользнул мимо Сивиса туда, где на разделочном столе завершалось потрошение. Вспоротое брюхо, обнаженные ребра, содрогающиеся внутренности и темная жижа...

Этого Морис вынести уже не мог. Борясь со рвотными позывами, он резко развернулся и, не сказав ни слова, стремительно направился к выходу.

Хань Цзин, не спускавший с Мориса глаз, сразу заметил его мертвенную бледность и поспешное бегство. Он мгновенно поднялся, коротко поклонился удивленному Ларну и, опередив Сивиса, бросился следом за генералом.

— Кхм... — послышался глухой, прерывистый звук.

Обогнув массивную колонну в римском стиле, Хань Цзин замер. Сердце испуганно сжалось. Он пошел на звук и вскоре обнаружил Мориса.

Тот тяжело дышал, пытаясь унять тошноту и прижав ладонь к груди. На бледном лице выделялись покрасневшие глаза, брови были сурово сдвинуты к переносице. Силы покидали его. Смерть Кэтрин, удушливый запах бойни и бесконечная игра в кошки-мышки с Фрейром истощили его ресурсы. Морис протянул руку, чтобы опереться о холодный мрамор колонны и скрыть секундную слабость.

Но вместо холодного камня он ощутил надежное и бережное тепло — Хань Цзин обнял его со спины.

— Все еще тошнит? — тихонько спросил Хань Цзин, обжигая дыханием ухо. Его мягкий голос подействовал как теплый весенний ветер, разогнавший рябь на замерзшем озере.

Морис на миг забыл о предосторожности и устало привалился к чужой груди.

Хань Цзин слегка растерялся. Вглядываясь в точеный профиль генерала, он отчетливо уловил его внутренний надлом — неприступная стена дала трещину, обнажив глубокую усталость. Однако оставаться в таком положении было опасно. Оглядевшись по сторонам, Хань Цзин мягко попытался отстраниться, прерывая это мимолетное объятие.

— Погоди... — едва слышно прошептал Морис.

В глубине его синих глаз промелькнуло сомнение, но затем он перехватил ладонь Хань Цзина и крепко прижал ее к своему животу — туда, где зарождалась новая жизнь.

Хань Цзин почувствовал, как напряглось тело генерала. Сердце юноши забилось в бешеном ритме, пальцы мелко задрожали, но Морис уверенно удерживал его руку.

— Морис? — Хань Цзин содрогнулся. Безумная, невозможная надежда, которую он так долго пытался задушить в себе, вспыхнула с новой силой, мгновенно превращаясь в лесной пожар.

Но уже в следующую секунду Морис мягко оттолкнул его. Взгляд генерала вновь стал холодным и отстраненным, он выпрямился, принимая безупречную строевую осанку.

Хань Цзин мгновенно пришел в себя. Из темноты сада слышались шаги — это приближался граф Сивис.

— Господин мой? — на лице Сивиса читалась неприкрытая тревога. Он почтительно склонил голову, прижав ладони к плечам. — Я чем-то разгневал вас? Если прием показался вам неудовлетворительным, умоляю, укажите мне на мои ошибки.

— Полно, Сивис, — ровным тоном прервал его Морис, даже не думая объяснять свой поспешный уход. — Велите доставить мне русалку с Камеры. Вечер затянулся, мне пора возвращаться.

Заметив, что граф занервничал еще сильнее, а на его лбу выступила испарина, Морис слегка приподнял уголки губ и добавил чуть мягче:

— Прием был превосходным. И ваш подарок — тритон с Камеры — пришелся мне по душе.

Сивис заметно расслабился и угодливо улыбнулся:

— Счастлив слышать, господин мой! Я расшибусь в лепешку, но раздобуду для вас еще одного тритона этого класса. Будет отличная пара.

— Класс Камера? Полагаю, это не так-то просто, Сивис?

— Не посмею лгать вашему превосходительству. Особи этого класса невероятно близки к вымиранию. К тому же обстановка в верховных мирах сейчас крайне нестабильна. Возле планеты Камера то и дело шныряют военные крейсера. Неровен час, начнется новая Священная война.

Сивис лично проводил Мориса до парадного выхода. Остановившись на ступенях из белого нефрита, он продолжил:

— Эта планета, где когда-то обнаружили диковинных существ, была названа в честь древней легенды. Говорят, русалки класса Камера способны сбрасывать хвост, обретая человеческие ноги, чтобы ходить среди нас и околдовывать разум. Конечно, это не более чем сказка, свидетелей не осталось. И все же я посчитал долгом предупредить вас: эта особь — та самая, из преданий. Прикажите слугам держать ее под замком. Пока существо находится внутри специального изолирующего контейнера, оно неопасно, даже если действительно умеет ходить и подчинять чужую волю.

— Возможно... эта легенда не так уж далека от истины? — негромко опустил Морис, вспомнив, что и на далекой Земле у людей существовали схожие мифы.

Он безучастно посмотрел вперед, на герметичный резервуар, который катили двое слуг-майянцев.

Тритон метался внутри стеклянной колбы, нервно ударяя хвостом по стенкам. На его лице отражалась буря эмоций: страх, паника и отчаянные попытки сохранить остатки достоинства, свойственные разумным существам. Но, заметив в толпе Хань Цзина, он замер. Прижавшись лицом к прозрачной преграде, существо вперило глубокий фиолетовый взор в Хань Цзина, а затем перевело взгляд на Мориса.

Резервуар установили в покоях Мориса. Под серебристым лунным светом лазурная жидкость Аноид внутри контейнера тихо колыхалась, пуская мягкие блики по стенам.

Пленник продолжал прижиматься к стеклу. Его фиолетовые глаза подернулись влажной дымкой, а серебристо-белый хвост плавно покачивался, рассыпая искры. Он безмолвно смотрел вслед уходящему Хань Цзину...

— Что с тобой? — спросил Хань Цзин, войдя в спальню.

Морис полулежал в глубоком кресле, подперев кулаком щеку. В его поникшей фигуре сквозила непривычная, тяжелая усталость. Хань Цзин подошел ближе и мягко обнял его за плечи. К его удивлению, Морис не стал сопротивляться — он послушно привалился к юноше, перенося весь свой вес на его плечо, лишившись былой армейской выправки и привычной властности.

— Кэтрин... скорее всего, погиб, — глухо произнес Морис.

Хань Цзин крепче сжал объятия и, наклонив голову, нежно коснулся губами его бледной щеки.

— Я догадывался... Не вини себя, Морис. Это нападение было слишком внезапным, никто не мог его предугадать. Это не твоя вина.

Прижимая к себе беззащитное тело любимого человека, Хань Цзин чувствовал щемящую боль в груди. Даже самые нестигаемые люди ломаются, когда груз ответственности превышает предел их прочности. Достаточно последней соломинки, чтобы плотина рухнула, высвобождая копившуюся месяцами слабость.

Морис молчал, согреваясь в этих сильных руках. Ладонь Хань Цзина медленно скользнула вниз, ласково накрывая его слегка округлившийся живот. Морис непроизвольно напрягся, уткнувшись лицом в изгиб шеи юноши.

— Я устал... Хань Цзин, — прошептал он.

Притираясь виском к его виску, Морис наконец сбросил тяжелые латы безразличия, позволяя себе быть слабым рядом с единственным близким человеком. На его плечах лежал непосильный груз: подозрения Фрейра, сокрушительное давление Руны, превращающее каждый день в изощренную пытку для разума. В этом чуждом, пугающем мире именно Морис принимал на себя все удары, служа щитом для Хань Цзина, игравшего роль скромного слуги.

Ему приходилось ежеминутно просчитывать, как разыскать пропавших товарищей, как противостоять цивилизации, опередившей человечество на тысячелетия...

А теперь еще и ребенок. Тело тяжелело с каждым днем. Морис с ужасом думал о том, что ему придется рожать в этом холодном космосе. Еще месяц — и скрывать беременность станет невозможно. Без защиты статуса Божественного посланника их ждет неминуемая гибель.

Мысли путались, тяжелым комом оседая на душе. Совсем обессилив, Морис накрыл ладонь Хань Цзина своей и снова прижал ее к животу.

— Атлантида изменила меня... Мое тело... — этот тихий шепот прозвучал для Хань Цзина как удар грома среди ясного неба.

— Ты хочешь сказать?! — юноша вздрогнул всем телом, его голос сорвался от волнения.

— Да, это правда.

Высказав то, что так долго носил в себе, Морис почувствовал неожиданное облегчение. Растерянность и испуг на лице Хань Цзина вызвали у него слабую, теплую улыбку. Оказывается, он любил этого упрямого мальчишку сильнее, чем думал.

Морис поджал губы и плотнее прижал ладонь Хань Цзина к низу живота. Ему почему-то казалось, что там растет девочка.

— Она здесь... — Морис пошевелился, глубже вдыхая родной запах. Но стоило ему прижаться теснее, как на его лоб снова набежала тень сомнения.

Хань Цзин едва не лишился чувств от захлестнувшего его восторга. Слова застряли в горле. Он крепко сжал Мориса в объятиях, но тут же испугался, что может навредить, и поспешно отпрянул. С величайшей осторожностью, словно перед ним была хрупкая драгоценность, он помог генералу усесться поудобнее, после чего метнулся к кровати, схватил две мягкие подушки и бережно подложил их Морису под спину.

Наблюдая за этой суетой, Морис невольно усмехнулся, хотя в его глазах все еще сквозила грусть.

— Так лучше? — Хань Цзин наконец обрел дар речи. Он несмело присел рядом, осторожно приобнял Мориса и вновь опустил дрожащие пальцы на его живот. Убедившись, что все это происходит наяву, он глупо улыбнулся и облегченно выдохнул. Оцепенение окончательно спало.

— Спасибо тебе, Морис, — прошептал он, осыпая нежными поцелуями лицо генерала.

Его счастье было безграничным. И дело было не только в ребенке — Хань Цзин получил подтверждение чувствам, на которые даже не смел надеяться. Морис, гордый и неприступный, пошел на это ради него!

Как говаривал старший сокурсник Роджер, Морис только с виду казался ледяной глыбой. В глубине его души бушевало древнее пламя, скрытое под толщей земной коры. Но если этот вулкан просыпался, его лава была способна сокрушить любые преграды. И сейчас этот вулкан горел для него одного.

У Хань Цзина перехватило дыхание от избытка чувств. Справившись с волнением, он заглянул в синие, как сапфиры, глаза партнера и твердо произнес:

— Я всегда буду рядом. Сберегу и тебя, и нашего малыша. Что бы ни случилось, мое сердце принадлежит тебе. Я никогда тебя не оставлю.

Взгляд Мориса оставался внешне бесстрастным, но в глубине зрачков плескалось сильное волнение. Он поспешно опустил ресницы и крепко сжал руку Хань Цзина. В его жесте сквозил непривычный страх.

— Я должен признаться... Это моя вина...

Видя его терзания, Хань Цзин порывисто привлек Мориса к себе, стремясь согреть и защитить от невидимых призраков. Он почувствовал, как сильное мужское тело в его объятиях мелко дрожит.

— Беременности уже пять месяцев, но я... я правда ничего не знал, — голос Мориса дрогнул. — Все выяснилось во время медосмотра перед миссией SG-I. Марко уверял, что все в порядке, но это лишь поверхностный анализ... До этого я принимал огромные дозы содиума и других стимуляторов. Этой дозы хватило бы, чтобы отравить слона. Марко настаивал на детальном обследовании. Хань Цзин, мне страшно... Это моя глупость. Сначала я не хотел этого ребенка, поэтому безрассудно согласился на участие в миссии... И вот к чему все привело. Мне так жаль, Хань Цзин...

Морис уткнулся лбом в его плечо, не смея поднять глаз. Он впервые в жизни испытывал столь панический страх — страх, что Хань Цзин отвернется от него. Но и лгать любимому человеку он не мог.

Вместо упреков Хань Цзин лишь нежно зарылся пальцами в его длинные золотистые волосы.

— Да, я хочу этого ребенка, Морис. Но моя радость — прежде всего из-за тебя. Ты для меня дороже всех на свете. И твои сомнения естественны. Я бы на твоём месте тоже растерялся. Не изводи себя. Ты ведь не обычный человек. Разве Марко не говорил, что твои показатели безупречны? Твоя ДНК способна справиться с любыми токсинами. Все обойдется, вот увидишь. Мое сердце подсказывает, что малыш родится здоровым.

Хань Цзин мягко приподнял его лицо за подбородок и накрыл его губы поцелуем. Он ласкал своего сильного, но такого беззащитного сейчас генерала, его пальцы скользили под тонкую ткань одежды, очерчивая линию шеи, крепкие плечи и опускаясь к пополневшей талии.

Кожа Мориса мгновенно разгорячилась. Он жадно ловил поцелуи юноши, плотнее прижимаясь к его телу и тихо, прерывисто вздыхая от растущего вожделения.

— Стой... — Хань Цзин с трудом заставил себя отстраниться, пытаясь вернуть остатки самообладания. — Морис, тебе нельзя. Ты же беременный.

Морис замер. На его скулах проступил яркий румянец — то ли от смущения, то ли от разгоравшейся страсти.

— Уже пять месяцев, и до сих пор ничего не случилось, — Морис закусил губу. — К тому же... гены Атлантиды, кажется, подчинили меня полностью. Мое тело словно сошло с ума. Оно стало настолько чувствительным, что без твоих ласк я на следующий день просто лезу на стену от неудовлетворенности. Завтра мы отправляемся на планету Uīws, и я не хочу там отвлекаться. Нам предстоит разлука на несколько дней. Я хочу тебя, Хань Цзин.

Морис поднял на него темнеющий взгляд, притянул к себе за шею и уверенным движением начал избавлять их обоих от одежды.

Сброшенная одежда полетела на пол, и они повалились на просторную мягкую постель.

На этот раз Хань Цзин сдерживал свой привычный пыл. Помня об уязвимости партнера, он не стал наваливаться на него сверху, а устроился сбоку. Юноша неторопливо ласкал кожу генерала, безошибочно находя самые чувствительные точки на его теле.

Морис тихо застонал, выгибаясь навстречу его пальцам. Ласки в паху отзывались в глубине живота невыносимым, плавящим жаром. Его нетерпение росло, но Хань Цзин не спешил переходить к главному. Разочарованный этой медлительностью, генерал приподнялся на локтях и требовательно уставился на юношу затуманенным взглядом синих глаз.

Хань Цзин обнял его, убирая с лица влажные пряди золотых волос, и тепло улыбнулся:

— На этот раз ты будешь сверху.

Морис опешил. Он отвел взгляд, стараясь скрыть неловкость.

— Нет... Мне больше нравится, когда ты берешь меня, — его пальцы судорожно сжали простыню.

В груди шевельнулась мимолетная горечь. Морис не раз задумывался о том, чтобы поменяться ролями, но понимал, что это невозможно — изменения, запущенные наследием Атлантиды, сделали его тело слишком податливым в руках Хань Цзина.

Заметив эту тень на его лице, Хань Цзин крепко прижал Мориса к себе и принялся что-то нежно нашептывать ему на ухо. Щеки Мориса вспыхнули пунцовым цветом, в глазах промелькнула смесь смущения и притворной злости.

— Зато ты сможешь сам контролировать глубину и темп, — продолжал увещевать Хань Цзин. — Так тебе точно не будет больно. И для малыша это безопаснее.

Морис одарил его сердитым взглядом. Доводы юноши были разумны, но в интимных вопросах генерал оставался консерватором — все его мысли обычно занимала служба, и подобные эксперименты в постели были ему в новинку. Им овладело сильное смущение: впервые

предстояло проделать это в столь откровенной позе, да еще и находясь в полном сознании.

Впрочем, Морис умел быстро брать себя в руки. Опустив голову так, что золотистый шелк волос скрыл его лицо, он приподнялся и при поддержке Хань Цзина медленно опустился на его бедра.

— Ах... — сорвался с его губ невольный стон.

Горячая плоть заполнила его до предела, проникая глубже, чем когда-либо прежде. Морис инстинктивно попытался приподняться, но этим движением лишь сильнее насадил себя на пульсирующий член, задев невероятно чувствительную точку внутри. Тело мгновенно пронзила сладостная судорога, лишая последних сил.

Хань Цзин понимал, насколько уязвим сейчас его партнер. В эту беременность Морис напоминал наливное, созревшее от избытка желания яблоко — достаточно было легкого прикосновения, чтобы он полностью растворился в экстазе.

<http://bllate.org/book/19677/2006452>